

ПОЖАРНЫЙ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Пожарный

<https://litres.ru/74329138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павел Воронин умеет входить в горящие здания, спасать людей и не отступать перед огнём. Но каждый день его ждёт испытание посложнее любого пожара — пятилетняя дочь Алиска.

После ухода жены Павел стал отцом-одиночкой. Его жизнь состоит из дежурств, детского сада, сказок на ночь и маленьких катастроф, которые невозможно потушить водой.

Алиска уверена: её папа — настоящий супергерой. Только даже супергероям иногда нужен человек, который будет ждать их дома.

И если взрослые никак не могут устроить собственное счастье, маленькая принцесса-пожарный возьмёт дело в свои руки.

Ульяна Соболева

Пожарный

Глава 1

Павел

Знаете, что объединяет пожарного и отца-одиночку? И тот, и другой постоянно тушат что-то горящее. Только в первом случае это здания, а во втором — детские истерики по поводу того, что каша недостаточно розовая или носки неправильно пахнут.

Я, Павел Воронин, тридцать два года, профессиональный укротитель огня и любительский укротитель пятилетнего урагана по имени Алиска. Моя бывшая жена Марина сбежала полгода назад к какому-то финансисту, оставив записку на холодильнике: "Не могу больше жить в постоянном стрессе от твоей работы. Люблю тебя, но себя больше. П.С. Молоко кончилось."

Ну что сказать? Молоко я купил, а вот любовь к себе у неё действительно оказалась размером с небоскрёб. Хотя, справедливости ради, финансист — это как пожарный, только наоборот: вместо того чтобы тушить пожары, он их разжигает. В банковских счетах, правда.

— Папулька! — заорала Алиска, влетая в спальню как торнадо в миниатюрном пижамном исполнении. — Я уже позавтлакала!

Позавтракала, переводя с детского. У Алиски свой особенный язык, где буква "р" — это что-то из области фантастики, а "ч" звучит как шипящий котёнок. Хотя, иногда она все произносит правильно. поэтому никогда не знаешь будет "правильно" или "плавильно"...

— Что ты там ела, принцесса? — спросил я, натягивая форму. В зеркале отразился мужчина, которого жизнь потрепала как старую тряпку, но который всё ещё пытался выглядеть героически. Получалось так себе.

— Я съела хлопья с молоком и намазала хлеб маслом! И ещё я покормила Пушистика!

Пушистик — это хомяк, которого Алиска выпросила после развода. Типа живая психологическая поддержка. Правда, психологическую поддержку в основном оказывал я, когда чистил его клетку.

— Малышка, а ты помнишь, что покормить Пушистика — это насыпать ему корма, а не делиться своими хлопьями?

— Но папулька, он же тоже хочет быть сильным!

Хочет, то есть. Я заглянул в комнату дочери. Хомяк сидел в клетке и жевал что-то подозрительно похожее на "Несквик". Видимо, решил стать шоколадным хомяком.

— Алиска, а кто тебе сказал, что хомяки едят хлопья?

— Я сама додумалась! — гордо заявила она. — А ещё я думаю, что Пушистик хочет жениться на Мурке от тёти Оли!

Тётя Оля — наша соседка, обладательница кошки Мурки

и железных нервов. Именно к ней я отвожу Алиску, когда еду на ночные смены.

— Доча, Мурка — это кошка. А кошки и хомяки не желятся, они...

Как объяснить пятилетке пищевую цепочку, не травмировав её психику?

— Они из разных миров, — дипломатично закончил я.

— Как мы с мамой? — невинно спросила Алиска.

Вот тут меня проняло хуже, чем от ледяного душа. Дети умеют выдавать такие фразы, что взрослые чувствуют себя как персонажи дешёвой мелодрамы.

— Нет, солнышко. Мы с мамой из одного мира. Просто... у неё была другая карта этого мира.

— А у нас с тобой одинаковая карта?

— У нас с тобой вообще нет карты. Мы просто идём куда глаза глядят, — честно признался я, завязывая ей хвостики.
— И пока что доходим туда, куда нужно.

Алиска задумчиво посмотрела на меня:

— Папулька, а когда ты спасаешь людей из огня, ты же не знаешь, где они там прячутся?

— Не знаю.

— И всё равно их находишь?

— Всё равно нахожу.

— Значит, мы с тобой супергерои без карты! — радостно заключила она.

Я подумал, что это, возможно, лучшее описание моей

жизни, которое я когда-либо слышал.

В садике Алиска вела себя как маленькая королева. Воспитательница Галина Петровна, женщина, которая могла бы дать фору дрессировщику тигров, встретила нас с обычной улыбкой — где-то между "рада видеть" и "боже, что опять натворил её ребёнок".

— Алиса сегодня рассказывала детям, что её папа — супергерой, — сообщила она мне доверительным тоном.

— Ну, формально это правда, — пожал я плечами.

— А ещё она сказала, что супергерои не плащут, когда смотрят грустные мультики.

Плачут и смотрят. Я покосился на дочь, которая делала невинное лицо.

— Алиска, ты рассказывала в саду, что папа плачет от мультиков?

— Не плащешь, а пускаешь водищку из глаз от красоты! — уточнила она. — Как когда мы смотрели про слоника Дамбо!

Галина Петровна едва сдержала смех. А я понял, что моя репутация брутального пожарного в этом саду окончательно похоронена.

— Папулька, а сегодня ты будешь тушить пожары? — спросила Алиска, когда я усаживал её в машину после работы.

— Не знаю, малышка. Надеюсь, что нет. Лучше, когда ничего не горит.

— А если всё-таки будет гореть?

— То я поеду и потушу.

— А если не получится?

Вот тут я завис. Как объяснить ребёнку, что папа не всемогущий? Что иногда огонь сильнее? Что есть вещи, с которыми не справишься, как бы ни старался?

— Знаешь что, Алиска? Я всегда стараюсь изо всех сил. И пока что мне везло.

— А если не будет везти?

— То я всё равно буду стараться. А ты будешь ждать меня дома с тётей Олей и думать о том, какую сказку мне рассказать на ночь.

— Я расскажу тебе про принцессу, которая спасала драконов от злых рыцарей!

Принцессу и рыцарей, ага. Я уже привык к её версиям классических сказок, где добро и зло меняются местами, а драконы оказываются вегетарианцами.

Мы приехали домой в нашу двушку на окраине. Не дворец, но зато наш. Алиска сразу побежала к Пушистику докладывать о событиях дня, а я рухнул в кресло и включил телевизор.

По новостям показывали что-то про экономический кризис. Ведущий с серьёзным лицом объяснял, почему у людей стало меньше денег. Я подумал, что у меня денег было мало всегда, так что кризис меня как бы не касается. Это как быть лысым и не бояться перхоти.

— Папулька, а почему дядя в телевизоре такой грустный?

— спросила Алиска, устраиваясь у меня на коленях.

— Он рассказывает плохие новости.

— А зачем люди смотрят плохие новости?

Хороший вопрос. Зачем?

— Чтобы знать, что происходит в мире.

— А зачем знать, что происходит плохое?

— Чтобы быть готовым.

— А к чему готовым?

— К тому, что может случиться.

— А что может случиться?

Я понял, что завис в детской логике, как муха в паутине.

Алиска умела задавать вопросы так, что любой взрослый начинал сомневаться в основах мироздания.

— Знаешь что, доча? Давай лучше посмотрим мультики.

— Про что?

— Про что хочешь.

— Про принцессу-пожарного!

— Таких мультиков нет.

— А жаль. Я бы хотела быть принцессой-пожарным.

— И что бы ты делала?

— Спасала бы принцев от драконов. Но не убивала бы драконов, а договаривалась с ними по-хорошему.

— И как бы ты договаривалась?

— Говорила бы: "Милый дракончик, зачем ты жжёшь принца? Может, ты просто голодный? Давай я принесу тебе

большой торт, а ты отпустишь принца?"

Я представил себе пожарную службу по Алискиной методе и чуть не рассмеялся. Приезжаем на вызов с тортами вместо воды.

В этот момент зазвонила сирена на моём телефоне. Вызов.

— Папулька, тебя зовут тушить пожар?

— Да, малышка.

— А большой пожар?

Я глянул на адрес. Элитный район, Рублёвка. Частный дом.

— Не знаю. Но точно не маленький, раз вызывают всю бригаду.

— Я с тобой!

— Нет, солнышко. Ты к тёте Оле, а я на работу.

— Но я хочу посмотреть, как ты спасаешь людей!

— В другой раз. А пока что спасай Пушистика от скуки.

Я поцеловал её в макушку, пахнущую детским шампунем и печеньем, и побежал одеваться.

Элитный район встретил нас как декорации к фильму про

красивую жизнь. Огромные дома, ухоженные газоны, дорогие машины. И среди всей этой красоты — настоящий ад. Трёхэтажный особняк полыхал как факел.

— Воронин, информация! — крикнул командир Сергеич, мужчина, который видел столько пожаров, что мог определять температуру пламени на глаз.

— В доме может быть девушка, — кричал какой-то мужик в дорогом костюме. — Моя племянница! Она была дома!

Я посмотрел на огонь. Он лизал окна второго этажа, как голодный зверь. Жара била в лицо, даже несмотря на расстояние.

— Второй этаж? — уточнил я.

— Да! Её комната справа!

Я кивнул Сергеичу. Тот посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который собирается сунуть голову в пасть льву.

— Воронин, это риск.

— Я знаю.

— Большой риск.

— Тоже знаю.

— Если не успеешь...

— Успею.

Я всегда говорил "успею", даже когда не был уверен. Потому что слово "не успею" для пожарного — это как для врача сказать "пациент умрёт". Можно подумать, но нельзя произносить вслух.

Огонь встретил меня, как старый недобрый знакомый. Горячо, душно, дыма столько, что хоть топором руби. Я шёл по памяти и интуиции, потому что видимость была как в тумане военного времени.

Второй этаж. Коридор. Дверь справа.

Я выбил её плечом и увидел девушку. Лет двадцати пяти, в шёлковой пижаме, лежала без сознания у окна. Красивая, как с обложки журнала. Даже в обмороке и в дыму выглядела так, будто позировала для фотосессии "Спящая красавица в экстремальных условиях".

— Эй, принцесса! — крикнул я, проверяя пульс. — Время просыпаться!

Она не отвечала. Я взвалил её на плечи — лёгкая, как пёрышко. Наверное, питается воздухом и комплиментами.

Обратный путь оказался сложнее. Огонь уже добрался до лестницы, лизал перила своими жадными языками. Я шёл быстро, но осторожно. С грузом на плечах каждый шаг мог стать последним.

— Держись, красавица, — прошептал я девушке, хотя она меня не слышала. — Дома меня ждёт дочка, и я ей обещал вернуться со сказкой про принцессу-пожарного.

Мы выбрались. Я отнёс девушку к машине скорой и присел рядом, дыша как загнанная лошадь. В ушах звенело, в лёгких саднило, но главное — мы живы.

Она приходила в себя, моргала, открывая глаза цвета весеннего неба. Красивая. Очень красивая. И абсолютно не из

моего мира.

— Эй, — позвала она хриплым голосом, но даже в нём слышались нотки привычной властности. — Вы... вы меня спасли?

— Просто работа, — пожал я плечами.

— Как вас зовут?

— Павел.

— Анна, — она попыталась сесть, отмахнувшись от моей помощи. — Анна Княжева. Павел, послушайте... Это был не случайный пожар.

— Что?

— Меня хотели убить, — прошептала она, но даже шёпот звучал как приказ. — Этот пожар... его подстроили. Я не могу ехать в больницу. Там меня найдут.

Я посмотрел на неё внимательнее. Даже напуганная, она держалась как человек, привыкший, что её слушаются. Княжева... Слышал эту фамилию. Из тех, что в светской хронике мелькают.

— Кто хотел вас убить?

— Не знаю точно. Но я слышала голоса внизу, когда начался пожар. Они говорили, что всё должно выглядеть как несчастный случай.

Дерьмо. Я глянул в сторону того самого мужика в дорогом костюме. Он стоял рядом с полицейскими, размахивал руками, что-то объяснял. Слишком театрально для дяди, который только что чуть не потерял племянницу.

— Павел, — схватила меня за руку Анна, и в её прикосновении чувствовалась уверенность человека, который привык получать то, что хочет. — Заберите меня отсюда. Я заплачу вам. Сколько хотите.

— Я вас даже не знаю.

— А я знаю, что вы рискнули жизнью, чтобы спасти неизвестную девушку. К тому же, — она слегка приподняла подбородок, — я довольно неплохо разбираюсь в людях. Вы из тех, кто не бросает в беде.

Я смотрел в её глаза и понимал, что если она права, то сейчас я принимаю решение, которое перевернёт мою спокойную жизнь с ног на голову.

— Слушайте внимательно, — сказал я тихо. — Видите красную машину у дороги? Это моя. Ключи в кармане куртки на переднем сиденье. Залезайте на заднее сиденье, ложитесь и не высовывайтесь. Я сейчас скажу всем, что вас в доме не было.

— А если вас спросят...

— Я скажу, что обыскал весь дом. В дыму можно было и ошибиться.

Анна кивнула и, пока все были заняты тушением остатков пожара, тихо пошла к моей машине. Двигалась как кошка — бесшумно и быстро.

Я подошёл к Сергеичу.

— Командир, никого там не было.

— Как это не было? Хозяин говорит...

— Он ошибся. Обыскал весь дом — пусто.

Сергеич нахмурился, но спорить не стал. А вот мужик в костюме подлетел ко мне как ошпаренный.

— Как не было?! Моя племянница была дома! Я точно знаю!

— Успокойтесь, я обыскал каждую комнату. В доме никого нет, — спокойно ответил я.

— Но она не отвечает на звонки! Где она может быть?!

— Может, у подружек? Молодёжь часто забывает предупредить родителей.

Тут мужик театрально схватился за сердце и начал всхлипывать. Осконочная игра, ничего не скажешь. Если это действительно игра.

— Моя малышка... Что я скажу жене? Мы же поссорились вчера, и Анна ушла из дома! А вдруг она вернулась, а меня не было?!

Слёзы текли по его щекам ручьём. Либо он гениальный актёр, либо действительно переживает. Но что-то в его игре было слишком нарочито.

— Не переживайте, — похлопал я его по плечу. — Девушки в таком возрасте любят пугать родителей. Появится.

— Вы думаете?

— Уверен.

Я вернулся к машине, стараясь не показывать волнения. В салоне было тихо.

— Анна? — тихо позвал я, садясь за руль.

— Здесь, — раздалось с заднего сиденья.

— Лежите и молчите. Едем.

Пока мы ехали, я думал о том, что творю полную чушь. Увожу незнакомую девушку, которая может оказаться кем угодно. Может, она сбежала из психушки. Может, сама подожгла дом. Может, у неё мания преследования.

А может, она говорит правду, и я единственный, кто может её спасти.

— Куда мы едем? — спросила она, когда мы отъехали подальше от места пожара.

— Ко мне домой. У меня дочь, и я не могу оставить её одну надолго.

— А... а как её зовут?

— Алиса. Ей пять лет.

— Алиса, — повторила Анна с лёгкой улыбкой. — Милое имя. Я хорошо лажу с детьми. У меня есть племянница.

— Она красивая девочка. И очень умная. И очень любопытная. Будьте готовы к допросу.

— Не волнуйтесь, — в голосе Анны прозвучала привычная уверенность. — Я справлюсь. Дети меня обычно любят.

— А что я ей скажу?

— Правду. Только адаптированную для детского возраста.

— То есть?

— То есть скажете, что вы принцесса, а я вас спас. Остальное она сама додумает.

Анна тихо рассмеялась, и в этом смехе было что-то знакомое — уверенность человека, который привык, что жизнь идёт по его сценарию.

— Знаете что, Павел? У меня такое чувство, что я попала в сказку. Правда, не совсем ту, которую планировала.

— Скорее в безумный дом, — буркнул я. — Но добро пожаловать.

Когда мы подъехали к дому, я увидел в окне силуэт Алиски. Она, как всегда, караулила моё возвращение.

— Анна, приготовьтесь. Сейчас начнётся.

Я открыл дверь ключом, и тут же на меня обрушился маленький ураган в розовой пижаме.

— Папулька! Ты вернулся! Я тебя ждала! — Алиска повисла у меня на шее, а потом вдруг замерла, увидев Анну. — А это кто?

— Это... — начал я, но Алиска меня опередила.

— Ой! — глаза у неё стали круглыми, как блюдца. — Папулька, а это принцесса?!

Анна стояла в дверях в шёлковой пижаме, растрёпанная, слегка покрытая сажей, но даже в таком виде выглядящая как сошедшая с обложки глянцевого журнала.

— Почему принцесса? — спросил я, хотя уже догадывался.

— А потому что она в такой красивой одежде для сна! Как в мультиках! — Алиска подошла ближе к Анне и торжественно спросила: — А вы лавно принцесса?

— Я... — Анна растерялась на секунду, а потом улыбнулась. — Можно сказать, что да.

— А где ваш замок?

— Замок... сгорел, — честно ответила Анна.

— Ой! — Алиска всплеснула руками. — А злой длакон его сжѐг?

— Что-то вроде того, — кивнула Анна, входя в игру.

— А папа вас спас! Я знала! Папа всегда спасает принцесс! — Алиска радостно захлопала в ладоши. — А теперь вы будете жить у нас?

Анна вопросительно посмотрела на меня.

— Временно, — ответил я. — Пока принцесса не найдѐт новый замок.

— Ура! — завизжала Алиска. — А вы умеете рассказывать сказки? А носить корону? А у вас есть волшебная палочка?

— Алиска, дай принцессе отдохнуть, — остановил я дочь. — Она устала.

— А можно я покажу ей Пушистика? Он ещё не видел настоящую принцессу!

— Можно, но сначала принцесса... то есть Анна... переоденется.

Я понял, что у меня дома нет никакой женской одежды,

кроме старых Марининых вещей, которые я так и не выбросил.

— Анна, вам придётся поносить... эм... то, что есть. Пойдёмте, покажу, где можете устроиться.

— Папулька, а принцесса будет спать в моей комнате? — загорелась Алиска.

— Нет, солнышко. Принцесса будет спать на диване в зале.

— А почему не в вашей комнате? — невинно спросила Алиска.

Я почувствовал, как краснею, а Анна тихо хмыкнула.

— Потому что принцессы любят простор, — быстро со-
врал я.

— А, понятно! — кивнула Алиска. — Тогда я буду охранять принцессу всю ночь!

— Нет, охранять буду я. А ты будешь спать в своей кроватке.

— А утром можно будет позавтракать вместе с принцессой?

— Можно.

— А можно будет спросить, едят ли принцессы обычную еду?

— Спроси прямо сейчас.

Алиска торжественно повернулась к Анне:

— Принцесса Анна, а вы едите обычную еду или только волшебную?

— Обычную, — улыбнулась Анна. — Волшебную оставлю на особые случаи.

— А ваша любимая еда какая?

— Эм... — Анна задумалась. — Честно говоря, не знаю. Мне всегда готовили повара.

— А что готовили?

— Разное. Сложное.

— А блинчики любите?

— Не знаю. Не помню, чтобы ела.

Алиска посмотрела на неё с жалостью:

— Бедная принцесса! Значит, завтра мы с папой научим вас есть блинчики!

— Научим, — кивнул я, думая о том, что завтра обещает быть интересным днём.

— А сейчас ложись спать, Алиска. Завтра воскресенье, но это не значит, что можно не спать.

— А можно принцессе рассказать сказку на ночь? Про другую принцессу?

— Можно, но быстро.

И пока Алиска рассказывала Анне сказку про принцессу-пожарного, которая тушила драконов добротой, я понимал, что моя спокойная жизнь закончилась навсегда.

Глава 2

От лица Анны

Проснулась я от звука, который в нормальной жизни услышать невозможно. Это был звук пятилетнего ребёнка,

пытающегося тихо пройти по скрипучему паркету. Получалось примерно как у слона в балетной пачке — и громко, и нелепо, и почему-то умирительно.

Я открыла глаза и увидела потолок. Обычный белый потолок без лепнины, без росписи, без хрустальной люстры стоимостью в небольшой автомобиль. Просто потолок. И я вдруг поняла, что не помню, когда в последний раз просыпалась и видела просто потолок.

— Принцесса, вы не спите? — послышался шёпот, от которого, наверное, просыпались соседи в соседнем доме.

Я повернула голову. Алиска стояла рядом с диваном в розовой пижаме с единорогами, держа в руках что-то пушистое и явно живое.

— Доброе утро, Алиска, — прошептала я в ответ.

— А я принесла вам Пушистика познакомиться! — гордо объявила она нормальным голосом. — Он очень хотел увидеть настоящую принцессу!

Пушистик оказался хомяком размером с мой кулак, который смотрел на меня с явным подозрением. Видимо, в его хомячьих представлениях принцессы выглядели как-то иначе.

— Он очень красивый, — соврала я, рассматривая грызуна, который больше всего походил на живой помпон с глазами.

— А вы хотите его погладить? Он не кусается! Ну, почти не кусается. Он только один раз укусил тётю Олю, но она

сама виновата, потому что сунула палец в его домик!

Я осторожно протянула руку к хомяку. Тот обнюхал мой палец, видимо, решил, что я прохожу контроль безопасности, и разрешил себя погладить.

— Видите, как он вас любит! — восхитилась Алиска. — Пушистик никого не любит, кроме меня и папы. А теперь ещё и вас!

— Я польщена, — честно ответила я.

И правда была польщена. За последние годы меня любили за деньги, за связи, за внешность, за статус. А тут хомяк полюбил просто так. Без задней мысли и корыстных целей.

— Алиска! — раздался сердитый голос из коридора. — Что ты там делаешь? Сколько раз говорил — не буди гостей!

В комнату ворвался Павел, выглядящий как медведь, которого разбудили посреди зимней спячки. Волосы торчали во все стороны, лицо мрачное, как грозовая туча, в руках кружка с надписью "Не говорите со мной до кофе".

— Папа, я не будила! — оправдывалась Алиска. — Принцесса сама проснулась!

— Ага, сама, — буркнул Павел, окидывая меня недружелюбным взглядом. — В половине седьмого утра в воскресенье.

— Простите, — сказала я, чувствуя себя неловко. — Я действительно рано встаю. Привычка.

— Замечательная привычка, — проворчал он. — Особенно для тех, кто работает в пожарной службе и изредка хочет

выспаться.

Ой. Кажется, мой спаситель оказался не слишком рад незваной гостье.

— А можно я покажу принцессе свою комнату? — спросила Алиска, не обращая внимания на папино хмурое настроение.

— Покажи быстро и идём завтракать, — буркнул Павел.
— И убери этого грызуна обратно в клетку.

— Пушистик не глызун! Он хомящик!

— Для меня все мелкие пушистые твари, которые гадят в клетке, — грызуны.

Алиска обиженно надула губки, но хомяка унесла.

Комната Алиски была как взрыв в магазине игрушек. Розовые стены, кровать в виде кареты, полки с куклами, книжками и мягкими игрушками. Посреди всего этого великолепия стоял кукольный домик, который выглядел знакомо.

— Алиска, а это что за домик?

— Это замок принцессы Белль! Папа подарил на день рождения. Говорит, что каждая девочка должна иметь свой замок. Но он ворщал всё время, пока его делал!

Домик был сделан из дерева, аккуратно покрашен, с маленькой мебелью внутри. Самодельный. Павел сделал его своими руками, но, судя по словам дочери, удовольствия от процесса не получал.

— Красивый замок, — сказала я, и голос вдруг дрогнул.

— А у вас был такой же замок? — спросила Алиска.

— У меня был настоящий большой дом. Но в нём не было... — я запнулась. Что там не было? Любви? Тепла? Отцов, которые ворчат, но всё равно делают кукольные домики своими руками?

— А что там не было?

— Таких красивых самодельных замков, — закончила я.

— А хотите, я вам подаю одну куколку? Чтобы у вас тоже была принцесса?

Она протянула мне маленькую куклу в голубом платье. Обычная дешёвая кукла из ближайшего магазина.

— Спасибо, Алиска. Она очень красивая.

— А как её зовут?

— Не знаю. Как ты думаешь?

— А давайте назовём её Анна! Как вас! Тогда у меня будет две принцессы Анны — настоящая и кукольная!

— Завтракать! — рявкнул Павел из кухни. — Немедленно!

Мы поспешили на кухню. Павел стоял у плиты, жарил яичницу и выглядел так, будто готовил не завтрак, а взрывчатку.

— Садитесь, — буркнул он, не оборачиваясь. — Быстро едите и быстро одеваетесь. Мне нужно в магазин, а вас оставлять одних нельзя.

— А почему нельзя? — поинтересовалась Алиска.

— Потому что ты устроишь в доме полный хаос, а принцесса не умеет за тобой следить.

— Папа, а почему вы такой злой? — спросила Алиска, забираясь на стул.

— Я не злой. Я реалист. И реально мне не нужны незваные гости, которые усложняют мне и без того непростую жизнь.

Ой. Это было больно. Я почувствовала, как щёки горят от стыда.

— Павел, если я вам мешаю...

— Мешаете, — отрезал он, шлёпая передо мной тарелку с яичницей. — Но выгнать не могу. Совесть не позволяет.

— Папа, а что такое совесть? — спросила Алиска.

— Это когда хочешь сделать одно, а приходится делать другое, — мрачно ответил Павел.

— А что вы хотите сделать?

— Жить спокойно. Без принцесс в шёлковых пижамах на моём диване.

Я попробовала яичницу. Она была восхитительная, но комок в горле мешал глотать.

— Очень вкусно, — сказала я тихо.

— Обычная яичница, — буркнул Павел. — Ничего особенного. Готовлю, потому что дочь должна есть, а не потому что мне нравится играть в поваров.

— А повала готовили для принцессы без души? — спросила Алиска.

— Они готовили профессионально, — ответила я.

— А в чём лазница между профессионально и с душой?

— Когда готовят с душой, добавляют заботу, — попыта-

лась объяснить я.

— А папа добавляет заботу?

Я посмотрела на хмурого Павла, который демонстративно намазывал хлеб маслом.

— Твой папа добавляет ворчание, — сказала я. — Но оно почему-то тоже получается вкусным.

Алиска засмеялась:

— Папа всегда ворщит! Но он добрый! Просто не любит это показывать!

— Алиска, ешь молча, — проворчал Павел. — И не болтай лишнего.

— А можно я тоже научусь готовить? — спросила Алиска. — И принцессу научим?

— Зачем принцессе готовить? — буркнул Павел. — У неё наверняка скоро всё наладится, и она вернётся к своим поварам.

— А если не наладится?

— Наладится. Такие как она всегда на ноги встают.

"Такие как она". Я поняла, что в его глазах я — избалованная богачка, которая прибилась к нему временно и скоро исчезнет, доставив кучу хлопот.

— А пока не наладилось, можно научить? — настаивала Алиска.

— Можно, — вздохнул Павел. — Но только простое. Макароны с сосисками.

— А принцесса ела макалоны?

— Нет, — ответила я.

— Тогда точно надо! — обрадовалась Алиска.

После завтрака Павел объявил, что нам нужно в магазин.

— Я не могу выйти на улицу, — напомнила я. — Меня могут узнать.

— И что, будете сидеть дома вечно? — буркнул Павел. — Рано или поздно придётся высунуть нос.

— Но если меня найдут...

— Кепка и очки. Больше ничего не могу предложить. У меня нет опыта в прятании беглых принцесс.

— Можно замаскироваться! — предложила Алиска. — У меня есть куртка, которая совсем не принцессная!

— Замаскироваться, — мрачно поправил Павел.

— Не поправляйте её, — попросила я. — Пусть говорит как говорит.

— Почему?

— Потому что это мило.

— Мило, — проворчал Павел. — А потом в школе будут дразнить.

— В школе дразнят не за то, как говоришь, а за то, как себя ведёшь.

— Вы специалист по школам?

— Нет. Но я помню, как меня дразнили.

— Вас? За что?

— За то, что я была слишком правильной. Слишком богатой. Слишком отличалась от других.

Павел удивлённо посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Через полчаса я стояла перед зеркалом в розовой спортивной куртке Алиски, Павловой кепке и тёмных очках.

— Совсем не похожи на принцессу! — радостно объявила Алиска. — Теперь вы как обычная тётя!

— Обычная, — буркнул Павел.

— Не поправляйте, — снова попросила я.

— Это вредная привычка. Будет неграмотно говорить.

— Она умная девочка. Сама поймёт, как правильно.

— Откуда вы знаете? У вас есть дети?

— Нет. Но я была ребёнком. И помню, как меня постоянно поправляли. Это очень раздражает.

Павел хмыкнул, но больше Алиску не поправлял.

В магазине я чувствовала себя инопланетянкой. Всё было знакомо и незнакомо одновременно. Я умом понимала, что такое магазин, но никогда не ходила по нему сама.

— А почему вы так смотрите на молоко? — спросила Алиска.

— Думаю, какое взять.

— А в чём лазница?

— Понятия не имею, — честно призналась я.

— Жирность разная, — буркнул Павел. — Берите любое. Всё равно вы скоро уедете.

Опять напоминание о том, что я здесь временно и не очень желанна.

— А можно я выбелу что-нибудь? — попросила Алиска.

— Фрукты можешь выбрать, — разрешил Павел. — Что-то полезное.

— Клубнику!

— Дорого, — автоматически сказал Павел.

— Я заплачу, — предложила я.

— Не надо. Обойдёмся яблоками.

— Павел, позвольте мне хотя бы участвовать в расходах...

— Вы мне ничего не должны. Я не нанимался быть вашим телохранителем.

Это прозвучало так резко, что я поперхнулась воздухом.

— Папа, а почему вы так говорите с принцессой? — спросила Алиска. — Она же хорошая!

— Потому что я не умею говорить красиво, — ответил Павел. — И не хочу притворяться.

— А принцесса притворяется?

— Все богатые притворяются. Это у них в крови.

Я почувствовала, как вспыхиваю от возмущения.

— Знаете что, Павел? Вы меня совсем не знаете. И судите по тому, что видите в новостях.

— А что я должен видеть? — буркнул он. — Бедную сиротку?

— Вы должны видеть человека. Который попал в беду и просит помощи.

— Вижу. Вижу богачку, которая привыкла, что все проблемы решаются деньгами.

— Но сейчас деньги не помогают!

— Пока не помогают. А потом помогут.

Алиска переводила взгляд с меня на отца, как будто смотрела теннисный матч.

— А можно вы не будете ругаться? — попросила она. — А то Пушистик дома скучает.

Мы замолчали. Ругаться при ребёнке было некрасиво.

В отделе женской одежды я снова растерялась. Не потому что выбора было мало, а потому что понятия не имела, что мне подходит без стилиста.

— А какой у вас размер? — спросила Алиска.

— Не знаю.

— Как это не знаете? — удивился Павел.

— Мне всегда одежду покупал стилист.

— Конечно, — проворчал он. — Сами даже размер не знаете.

— А что в этом плохого?

— Ничего. Просто... как вы вообще жили?

— По-другому. Не так, как вы.

— Это я понял.

Алиска тем временем разглядывала кофты.

— А какой ваш любимый цвет? — спросила она.

Я задумалась. Какой мой любимый цвет?

— Не знаю.

— И цвет не знаете, — констатировал Павел. — Ну надо же.

— А давайте выбирать! — предложила Алиска. — Смот-

рите, вот красный!

— Слишком ярко, — сказала я.

— А вот синий!

— Лучше.

— А вот зелёный! Как трава весной!

Зелёная кофта была цвета молодой листвы. И мне вдруг захотелось её купить.

— Зелёную возьму, — решила я.

— И джинсы нужны, — буркнул Павел. — Не будете же вы в шёлковой пижаме ходить.

— А что такое джинсы? — спросила Алиска.

— Ты же их носишь, — удивился Павел.

— Но принцесса навелное не носила!

— Не носила, — подтвердила я.

— Ещё бы, — проворчал Павел. — Слишком просто для принцессы.

— Знаете что? — вспылила я. — Хватит ехидничать! Да, я жила по-другому! Да, у меня были деньги! Но это не делает меня плохим человеком!

— Нет, — согласился Павел. — Плохим вас делает то, что вы даже не представляете, как живут остальные люди.

— А сейчас представляю!

— Сейчас играете в простую жизнь. А завтра всё кончится, и вы забудете нас как страшный сон.

— Откуда вы знаете?

— Опыт. Богатые всегда забывают бедных, как только

проблемы решаются.

— Папа, — вмешалась Алиска. — А что если принцесса не забудет? Что если она останется нашим другом?

Павел посмотрел на дочь, потом на меня.

— Не останется, малышка. У принцесс свои друзья. Из своего мира.

Я хотела возразить, но поняла, что не знаю, что сказать. Потому что он был прав. В моём мире не было места пожарным с детьми. В моём мире были благотворительные вечера, где мы говорили о помощи нуждающимся, но никогда их не видели.

На кассе я достала карту, но терминал не работал.

— Только наличные, — извинилась кассирша.

У меня было мало наличных. Очень мало.

— Я заплачу, — буркнул Павел.

— Нет, — возразила я. — Сама заплачу.

Я отдала почти все деньги за продукты и одежду. И впервые почувствовала, что значит считать копейки.

— Принцесса, а теперь вы бедная? — спросила Алиска, когда мы шли к машине.

— Пока да, — ответила я.

— А страшно быть бедной?

— Страшно. Но интересно.

— А почему интересно?

— Потому что я впервые понимаю, что такое деньги на самом деле.

Павел фыркнул:

— Один день без кредитки — и уже философ.

— А сколько нужно дней, чтобы понять? — спросила я.

— Всю жизнь, — ответил он. — И то не факт.

И знаете что? Я поняла, что он прав. И что мне предстоит очень долгий и очень трудный путь к пониманию настоящей жизни. Если, конечно, этот ворчливый, вредный и честный человек позволит мне этот путь пройти.

Глава 3

От лица Анны

Понедельничное утро началось с того, что меня разбудил звук работающего телевизора и приглушённые мужские ругательства. Я приоткрыла глаза и увидела Павла, который стоял перед экраном с кружкой кофе в руках, весь напряжённый как струна.

— ...полиция ведёт розыск племянницы бизнесмена Владимира Княжева — Анны Княжевой, — говорил ведущий новостей. — Двдцативосьмилетняя наследница пропала в ночь с воскресенья на понедельник после пожара в семейном особняке...

На экране появилась моя фотография. Профессиональная, глянцевая, где я улыбаюсь на каком-то светском мероприятии в платье за несколько тысяч долларов.

— Дерьмо, — выдохнул Павел.

— А что такое дельмо? — спросила Алиска, появляясь рядом с отцом в пижаме с единорогами.

— Это слово, которое папа не должен говорить при тебе,

— ответил он, не отводя глаз от экрана.

— А почему не должен?

— Потому что это некрасиво.

— А почему вы его сказали?

— Потому что иногда некрасивые слова точнее всего описывают ситуацию.

Я тихо встала с дивана и подошла ближе. На экране мелькали кадры сгоревшего дома, полицейские машины, и снова моё фото.

— ...дядя девушки, Владимир Княжев, обещает крупное вознаграждение за любую информацию о местонахождении племянницы...

— Принцесса! — обрадовалась Алиска, увидев меня. — А вас показывают в телевизоре!

— Вижу, — мрачно сказала я.

Павел повернулся ко мне. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читались сомнения.

— Значит, вы действительно Анна Княжева, — констатировал он.

— А вы думали, я вру?

— Думал, что возможно преувеличиваете масштабы своих проблем.

— Папа, а что значит "плеувеличиваете"? — поинтересовалась Алиска.

— Это когда делают из мухи слона, — объяснил Павел,

не сводя с меня взгляда.

— А что такое слон из мухи?

— Это когда говорят, что проблема большая, а на самом деле она маленькая.

— А у принцессы большая проблема или маленькая?

— Вот это мы сейчас и выясним, — сказал Павел. — Алиска, иди в свою комнату. Поиграй с Пушистиком.

— А почему я должна идти?

— Потому что взрослым нужно поговорить.

— А о чём?

— О взрослых вещах.

— А какие бывают взрослые вещи?

— Скучные, — отрезал Павел. — Очень скучные.

Алиска вздохнула и потопала в свою комнату, бормоча что-то про то, что взрослые всегда говорят о скучном.

Павел выключил телевизор и посмотрел на меня с выражением следователя, который допрашивает подозреваемого.

— Садитесь, — кивнул он на кухонный стол. — И рассказывайте всё с самого начала.

Я села, чувствуя себя школьницей перед директором.

— Что именно вас интересует?

— Всё. Почему вы решили, что вас хотят убить? Кто может за этим стоять? И главное — во что я вляпался, согласившись вам помочь?

Он варил кофе, не глядя на меня, но я чувствовала его напряжение. Широкие плечи под старой футболкой, креп-

кие руки, которые уверенно двигались между кружками и кофеваркой. Даже сердитый и подозрительный, он излучал какую-то основательность, надёжность. Как маяк в шторм.

— У моего дяди много врагов, — начала я. — Бизнес-партнёры, конкуренты, люди, которым он не заплатил или заплатил меньше, чем обещал.

— И кто-то из них решил добратся до него через вас?

— Возможно. Или... — я запнулась.

— Или что?

— Или это кто-то из близких. Кто знает мои привычки, распорядок дня.

Павел поставил передо мной кружку кофе и сел напротив.

— Кто именно?

— Мой бывший жених, Дмитрий. Помощник дяди, Сергей Валентинович. Или сам дядя.

— Сам дядя? — Павел приподнял бровь. — Это уже серьёзно.

— Дядя — очень практичный человек. Если моя смерть принесёт ему больше выгоды, чем жизнь...

Я не договорила. Потому что произнести вслух, что твой собственный дядя может захотеть тебя убить, оказалось сложнее, чем думать об этом.

— И какую выгоду может принести ваша смерть?

— Страховка. Очень большая страховка. Плюс он получает полный контроль над моей долей в компании, которую я унаследовала от отца.

— А сейчас не имеет?

— Сейчас я могу влиять на решения. Не всегда соглашаюсь с его методами.

Павел отпил кофе, изучая меня взглядом.

— Значит, вы не просто красивая мордашка на светских тусовках?

— Не просто, — подтвердила я. — У меня экономическое образование и доля в семейном бизнесе.

— Понятно. А бывший жених?

— Дмитрий очень не любит, когда ему отказывают. А я отказала ему месяц назад.

— И как он отреагировал?

— Сказал, что пожалею. Что без него я никто.

— Приятный тип, — проворчал Павел. — А помощник дяди?

— Сергей Валентинович работает у дяди двадцать лет. Очень амбициозный. Думаю, мечтает занять его место.

— И ваша смерть ему в этом поможет?

— Если дядя будет убит горем и отойдёт от дел...

Павел кивнул:

— Логично. Значит, подозреваемых хватает.

— Более чем.

— И что вы видели в ту ночь? Слышали?

Я закрыла глаза, вспоминая.

— Я проснулась от запаха дыма. Спустилась вниз и увидела огонь в гостиной. А потом услышала голоса на улице.

— Что именно?

— Мужчина говорил по телефону: "Всё идёт по плану. Должно выглядеть как несчастный случай. Когда найдут тело, никто не будет задавать лишних вопросов."

— Голос знакомый?

— Не разобрала. Он стоял далеко, и я была в шоке.

Павел задумчиво барабанил пальцами по столу. Сильные пальцы, на одном шрам — наверное, производственная травма.

— А что с тем мужиком, который плакал вчера возле дома?

— Это и был мой дядя Владимир. Он действительно переживал.

— Понятно. Значит, он не в сговоре.

— Не обязательно. Дядя — хороший актёр, когда нужно.

В этот момент из детской донёсся грохот и детский вопль. Павел вскочил как ошпаренный.

— Алиска! Что там у тебя?

— Папа! — заревела дочь. — Пушистик убежал!

— Куда убежал?

— Не знаю! Я хотела его покупать, а он выпрыгнул из мисочки!

Покупать. Наверное, купать. Павел закатил глаза:

— Алиска, сколько раз я говорил — хомяков не купают!

— Но он был грязный!

— Он не грязный, он пушистый!

— Но я видела, что у него лапки чёлные!

— У него лапки такого цвета от природы!

Мы бросились в детскую. Алиска стояла посреди комнаты с мокрыми руками и виноватым лицом. Рядом валялась опрокинутая миска с водой.

— И где теперь Пушистик? — спросил Павел, оглядывая комнату.

— Не знаю! Он куда-то поскакал!

— Хомяки не скачут. Они бегают.

— Тогда побежал!

Павел вздохнул так тяжело, как будто на его плечи свалилась ещё одна глобальная проблема.

— Отлично. Теперь у нас в доме пропавшая принцесса и беглый хомяк.

— Папа, а мы найдём Пушистика?

— Найдём. Куда он денется в двухкомнатной квартире?

— А что если он убежал на улицу?

— На улицу он убежать не мог. Двель закрыта.

Дверь. Я слушала их переговоры и думала о том, как странно наблюдать за обычной семейной катастрофой. В моём детстве не было сбежавших хомяков. Были гувернантки, которые следили, чтобы всё шло по расписанию.

— Принцесса, а вы поможете искать Пушистика? — обратилась ко мне Алиска.

— Конечно помогу.

— А вы умеете искать хомяков?

— Не умею. Но научусь.

— А как их искать?

— Логически, — сказал Павел. — Хомяк испугался, убежал и спрятался. Где может спрятаться маленький грызун?

— Под кроватью! — предложила Алиска.

— Правильно. Ещё где?

— За шкафом!

— Тоже правильно.

— В кухне под плитой! — добавила я.

Павел удивлённо посмотрел на меня:

— А откуда вы знаете?

— Логика. Тёмно, тепло, тихо.

— Неплохо для принцессы, — признал он. — Значит, план такой: Алиска ищет в своей комнате, я — в спальне, принцесса — на кухне.

— А что если не найдём?

— Найдём. Главное — двигаться тихо и не кричать. А то напугаете его ещё больше.

Мы разошлись по своим секторам. Я встала на четвереньки и заглянула под плиту. Там было пыльно, темно и пусто.

— Пушистик! — тихонько позвала я. — Иди сюда, маленький!

Никого. Я проверила под холодильником, за мусорным ведром, даже в шкафчиках. Пустота.

— У меня тоже пусто! — донеслось из спальни.

— И у меня! — отозвалась Алиска.

Мы собрались в коридоре, озадаченные.

— А может, он в ванной? — предположила я.

— Проверим, — согласился Павел.

В ванной мы обнаружили Пушистика. Он сидел в углу за стиральной машиной, дрожал и смотрел на нас укоризненно.

— Пушистик! — обрадовалась Алиска. — Ты нашёлся!

— Не хватайте его сразу, — остановил Павел дочь. — Дайте ему успокоиться.

Мы присели на корточки и стали тихонько уговаривать хомяка выйти из укрытия. Павел протянул ему семечку.

— Иди сюда, пушистая катастрофа, — ласково сказал он.

Я посмотрела на него. Этот суровый мужчина, который спасает людей из огня и ворчит по каждому поводу, сидел на полу в ванной и уговаривал хомяка семечкой. И в этот момент я поняла, что влюбляюсь.

Влюбляюсь в человека, который делает кукольные домики, варит кофе с ворчанием, но с заботой, и разговаривает с хомяками как с людьми.

— Получилось! — воскликнула Алиска, когда Пушистик наконец решился подойти к семечке.

Павел осторожно взял хомяка в руки.

— Всё, приключения закончились. Возвращаемся в клетку.

— А можно я его ещё немножко поглажу?

— Можно. Но аккуратно. И никаких попыток искупать.

— Хорошо. А что мы будем делать дальше?

— Дальше будем завтракать, — объявил Павел. — А потом принцесса будет учиться готовить.

— Ура! — завизжала Алиска. — А что будем готовить?

— Яичницу, — решил Павел. — Начнём с простого.

Я смотрела на них — на этого ворчливого мужчину и его болтливую дочь — и понимала, что за два дня моя жизнь перевернулась с ног на голову. И самое страшное: мне это нравилось.

На кухне началась самая настоящая катастрофа. Оказалось, что готовить яичницу — это не просто разбить яйца и бросить их на сковородку.

— Сначала масло, — проинструктировал Павел, наблюдая за мной как ястреб за добычей.

Я взяла бутылку подсолнечного масла и щедро плеснула в сковородку.

— Стоп! — взревел Павел. — Мы готовим яичницу, а не устраиваем озеро!

— А сколько нужно?

— Чуть-чуть!

— А сколько это в миллилитрах?

Павел посмотрел на меня как на инопланетянку:

— В миллилитрах? Вы собираетесь готовить по научной формуле?

— А как иначе? Должны же быть точные пропорции!

— Пропорция простая: чтобы не залить всю кухню маслом.

Алиска захихикала:

— Принцесса, а вы лавно никогда не готовили?

— Никогда.

— А что вы ели?

— Еду приносили готовую.

— А кто приносил?

— Повара, официанты.

— А вы не хотели сами попробовать?

Хороший вопрос. Хотела ли я когда-нибудь сама что-то приготовить?

— Честно? Никогда не думала об этом.

— А сейчас думаете?

— Сейчас понимаю, что готовка — это... забота.

— А папа готовит с заботой?

Я посмотрела на Павла, который сливал лишнее масло из сковородки и бурчал что-то про принцесс, которые не умеют отличить каплю от озера.

— Твой папа готовит с ворчанием, — сказала я. — Но почему-то это тоже получается с заботой.

— Может, хватит философствовать? — буркнул Павел.
— Масло уже горячее.

Я взяла яйцо. Обычное куриное яйцо, которое лежало у меня на ладони как маленькая загадка всей обычной жизни.

— И как его разбить?

— Об край сковородки. Аккуратно.

Я стукнула яйцом о край. Ничего не произошло.

— Сильнее.

Я стукнула сильнее. Яйцо раскололось, и половина содержимого шлёпнулась мимо сковородки.

— Прекрасно, — проворчал Павел. — Мастер-класс высшего уровня.

— Папа, не ругайтесь! — заступилась за меня Алиска. — Принцесса учится!

— Если доучится, — буркнул он, вытирая плиту.

Второе яйцо я разбила более удачно. Правда, в желток попал кусочек скорлупы.

— Не руками! — ужаснулся Павел. — Ложкой!

— А почему не руками?

— Потому что это негигиенично!

— А вы лавно мыли руки? — поинтересовалась Алиска.

Я задумалась. Когда я в последний раз мыла руки? Утром? Или вчера?

— Не помню, — честно призналась я.

— Вот и идите мойте, — велел Павел. — А я спасу то, что можно спасти.

Когда я вернулась, он колдовал над сковородкой, а Алиска комментировала:

— Папа, а почему у принцессы не получается готовить?

— Потому что она этому никогда не училась.

— А почему не училась?

— Потому что жила в другом мире.

— А в каком мире?

— В таком, где всё делали за неё другие люди.

— А это хорошо или плохо?

Павел задумался:

— Не знаю. Наверное, у всего есть свои плюсы и минусы.

Я слушала их разговор и понимала, что он прав. Я прожила двадцать восемь лет, так и не узнав простых радостей — приготовить что-то самой, почувствовать себя нужной и полезной.

— А можно я попробую ещё раз? — попросила я.

— Зачем? — удивился Павел. — Я уже почти закончил.

— Хочу научиться.

— У нас больше нет яиц.

— Тогда купим ещё.

— На какие деньги? Вы вчера потратили всё на одежду.

Ах да. Реальность, в которой деньги имеют значение.

— А у папы есть деньги? — спросила Алиска.

— У папы есть деньги на необходимые вещи, — ответил Павел. — А принцессины эксперименты к ним не относятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.